

должен был принимать квалифицированным большинством. Не подвергая сомнению принцип публичности, Центральное бюро Секции научных работников предлагало, чтобы степень присуждалась особым органом, в состав которого, помимо представителей деканата и предметных комиссий, входили бы все профессора и преподаватели⁷⁵. Фактически речь шла о создании специальных диссертационных советов. Кроме того, в тезисах «О введении учёной степени доктора» О.Ю. Шмидт вновь поставил вопрос о необходимости предоставления научным учреждениям и «третьим лицам» права инициировать присуждение степени без защиты, «если имеется в виду учёный, квалификация которого общеизвестна и в публичной проверке не нуждается»⁷⁶.

Постепенный процесс восстановления диссертационной системы в общих чертах завершился в первой половине 1930-х гг., когда нормативно были закреплены две учёные степени и создана Высшая аттестационная комиссия. В известной мере это означало вынужденное возвращение к прежним квалификационным требованиям, что позволяет говорить о частичном сохранении «старой» традиции.

⁷⁵ Там же. С. 30.

⁷⁶ Цит. по: Волгин В.П. Указ. соч. С. 29.

По линии наибольшего сопротивления (Памяти Л.В. Даниловой)

Александр Журавель

Людмила Валериановна Данилова занимает особое место в истории исторической науки второй половины XX в. Она не искала в науке лёгких путей – трудности сами находили её, и Людмила Валериановна старалась в меру сил их побороть или, по крайней мере, так или иначе противостоять им. Её место в отечественной исторической науке не оценено по достоинству. Исследователи постсоветского времени знают о Л.В. Даниловой в лучшем случае лишь как об авторе двух монографий по социальной истории средневековой Руси. О том, что она была одним из лидеров историков-шестидесятников, ведущих самоотверженную борьбу за право учёных на свободное научное творчество, современные историки в массе своей не осведомлены. Не знакомы они и с Л.В. Даниловой как с крупным марксистским теоретиком. Между тем в нынешнюю эпоху «методологической шизофрении», как метко заметил Е.В. Анисимов¹, обращение к теоретическим трудам Л.В. Даниловой было бы крайне полезно.

Людмила Валериановна ушла из жизни 21 сентября 2012 г. на 89-м году жизни. Данный очерк является первой попыткой отразить её творческий и жиз-

© 2014 г. А.В. Журавель

¹ Так известный исследователь истории России XVIII в. выразился по поводу ситуации с современной учебной литературой по истории, которая в свою очередь является внешним отражением теоретической каши, царящей в головах многих историков новейшей эпохи. См.: Кто матери-истории ценен? (комментарий от 27 февраля 2013 г.) (URL: <http://www.lgz.ru/article/20975>). Дата обращения – 15 марта 2013 г.).

ненный путь. Её архив остается не изученным в должной мере, а потому предлагаемые заметки следует считать предварительными². В будущем они наверняка потребуют известной корректировки.

Людмила Валериановна Данилова родилась 7 ноября 1923 г. в селе Спас-Волжино Смоленской губернии. Её отец, Валериан Васильевич Авдучевский, выходец из духовного сословия, в полной мере ощутил, каково в условиях советской власти быть «социально чуждым элементом». Поработав в годы революции объездчиком в Хмелитском лесничестве, он уехал в Москву, стал студентом Московской консерватории, но вскоре был арестован и сослан в Казахстан. Его следы окончательно затерялись на фронтах Великой Отечественной войны. Жена его, Мария Ивановна, оказавшись с двумя маленькими детьми на руках, очень боялась, что их постигнет участь детей репрессированных, и уехала на несколько лет в Таджикистан (якобы «на борьбу с басмачеством»), оставив детей на попечение бабушки. Позже она вышла замуж во второй раз, а первое замужество тщательно скрывала. Людмила долгое время считала себя Власовой по фамилии бабушки и дедушки и, получая паспорт, была поражена, узнав, что она – Авдучевская.

Людмила окончила школу перед началом Великой Отечественной войны. Семью, в которой были двое малышей (от второго брака матери), эвакуировали из Москвы, но по пути на восток поезд попал под бомбёжку. В 1942 г. во время долгих мытарств по Воронежской и Тамбовской областям Людмиле пришлось рыть окопы, работать в совхозе, а также служить телефонисткой на почтамте... Весной 1943 г. им удалось добраться до родственников во Владимирской обл., и Людмила смогла вернуться в Москву, где поступила на химический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Но вскоре по состоянию здоровья она вынуждена была оставить занятия химией. Новым выбором, и уже на всю жизнь, стала история.

В 1948 г., закончив с отличием исторический факультет МГУ, она была зачислена в аспирантуру Института истории АН СССР, а затем с начала 1952 г. стала сотрудницей института. Во время учёбы в университете её особенно увлекали лекции и семинар С.В. Бахрушина, однако, вопреки желанию Людмилы Валериановны, в качестве научного руководителя в аспирантуре ей назначили члена-корреспондента АН СССР (в будущем академика) М.Н. Тихомирова. Специализировалась Л.В. Данилова по социально-экономической истории Новгородской земли в XIV–XV вв. Плодом её целеустремлённых трудов явилась кандидатская диссертация, защищённая в 1952 г. В 1955 г. это исследование было в сокращении издано под названием «Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV веках».

Рассматриваемые в этой книге сюжеты начали изучаться ещё в дореволюционное время, но Людмила Валериановна взглянула на источники – прежде всего на актовый материал и писцовые книги – под иным, марксистским углом зрения. В центре её внимания находились не сугубо усреднённые, как прежде, показатели хозяйственной жизни Новгородской земли, а контрасты, характеризующие углубление социального неравенства, – стяжание земель новгородскими монастырями, боярами и житейными людьми, усиление ложившегося на плечи

² Выражаю глубокую благодарность Елене Викторовне Даниловой, сообщившей немало ценной информации о жизни и творческой деятельности Людмилы Валериановны и позволившей познакомиться с материалами её личного архива. Благодарю также И.Н. Слепнёва, сделавшего в ходе подготовки статьи ряд полезных замечаний.

крестьянства феодального и податного гнёта. Впоследствии это направление исследований получило в советской историографии значительное развитие, выразившееся, в частности, в подготовке многотомной коллективной «Аграрной истории Северо-Запада России»³. Для 1940–1950-х гг. исследование Л.В. Даниловой наряду с работами А.П. Шурыгиной, М.Г. Копачевой, В.Н. Бернадского являлось пионерским. Тема крестьянства с той поры оставалась в центре её внимания на протяжении всей творческой деятельности, но особый интерес Людмилы Валериановны вызывала проблема общины. Её Л.В. Данилова воспринимала как явление не только и не столько социально-экономической, сколько социальной истории. Община в глазах исследовательницы не сводилась к функциям регулятора поземельных отношений и посредника между крестьянами и представителями центральной власти, а представлялась социальным организмом, возникшим ещё в первобытную эпоху и на протяжении тысячелетней истории претерпевшим сложную эволюцию.

Несомненно, на становление воззрений Людмилы Валериановны повлиял обмен идеями с Виктором Петровичем Даниловым, аспирантом Института истории АН СССР, специализировавшимся на истории советского крестьянства накануне коллективизации, т.е. исследовавшим период, когда крестьянская община в России доживала свои последние дни. Их творческий союз, возникший в первый год аспирантуры и закреплённый 4 декабря 1951 г., когда Людмила Авдуевская стала Людмилой Даниловой, длился более полувека. Для них обоих он являлся источником вдохновения и опорой, помогавшим с честью пережить щедро выпавшие на их долю трудности и бедствия.

В Москву из Оренбурга В.П. Данилов приехал убеждённым противником Сталина и в этом отношении серьёзно повлиял на мировоззрение жены. XX же съезд КПСС придал научной и общественной деятельности Даниловых мощный импульс. Молодые учёные, искренне верившие в коммунистические идеалы, увидели в произошедшем отправную точку для возвращения на рельсы подлинного социализма, искажённого Сталиным. Им казалось, что необходимо обратиться к первоисточникам марксизма-ленинизма и, выяснив истинную точку зрения К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина по ключевым вопросам истории, попытаться применить разработанный ими диалектический метод в практике исторических исследований и тем самым повлиять на общественную жизнь СССР в целом. История, особенно отечественная и уж тем более её новейший период, являлась в тех условиях важным «полем сражения» между защитниками Сталина и теми, кто стремился написать новую, объективную историю своей страны и сделать невозможным возвращение к прошлому. Историки Даниловы не просто приняли активнейшее участие в борьбе шестидесятников за демократизацию, они, по сути, стали лидерами движения тех историков, кто желал добиться на научном поприще реальных перемен.

Дело не ограничилось лишь собственно научными изысканиями: в 1966 г. В.П. Данилов и К.Н. Тарновский, фронтовики, талантливые, нестандартно мыслящие учёные, встали во главе парткома Института истории и в течение двух лет упорно боролись за право историков вести исследовательскую рабо-

³ Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север, Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978; Аграрная история Северо-Запада России XVII века: Население, землевладение, землепользование. Л., 1989.

ту свободно, без оглядки на цензуру. Тем самым они открыто противостояли перемене партийного курса, последовавшей после смещения Н.С. Хрущёва с высших государственных и партийных постов. Мужественная борьба учёных, стремившихся добиться в рамках Института полной выборности всех органов власти и виртуозно защищавшихся от нападков вышестоящих инстанций благодаря прекрасному знанию работ классиков марксизма-ленинизма и решений партийных съездов, в конечном счёте завершилась их поражением. Чтобы расколоть сплочённый партком Института истории, власти в 1968 г. разделили это академическое учреждение на две части. Новым главой парткома стал П.В. Волобуев. На этом политическая деятельность учёных-историков завершилась⁴. В итоге были окончательно похоронены надежды на то, что двухтомная «Коллективизация сельского хозяйства в СССР», подготовленная Даниловым и его коллегами-аграрниками в первой половине 1960-х гг., увидит свет в обозримом будущем. Бунтари В.П. Данилов и К.Н. Тарновский⁵ долгое время не могли в полной мере работать по интересующим их темам, а тем более защитить докторские диссертации... Мало того: существовала реальная угроза их исключения из партии, увольнения и даже ареста.

Можно только догадываться, что довелось пережить жёнам этих выдающихся учёных в годы их противостояния властям. Но у Людмилы Валериановны была ещё и своя «линия фронта», которую она защищала с не меньшим упорством. Л.В. Данилова выступила в роли координатора дискуссии об азиатском способе производства, развернувшейся в 1960-х гг., причём в момент, когда партийные кураторы исторической науки приняли решение эту дискуссию прекратить. При этом она оказалась единственной из числа многочисленных историков русского средневековья, кто активно участвовал в этих жарких теоретических спорах⁶: прочие предпочли от такого рода вопросов уклониться.

Судя по всему, именно руководство Института истории, заметив склонность молодой исследовательницы к теории, во второй половине 1950-х гг. поручило ей заняться современной историографией, причём не только отечественной, но и зарубежной. Критикой новейших западных исследований в области феодальной Руси Людмила Валериановна занималась без энтузиазма, поскольку по известным причинам не могла высказать всего того, что думала по этому поводу: историографам позволялось указывать на методологические, с точки зрения марксизма, и фактологические слабости англо-американской исторической науки, но говорить о её сильных сторонах было нельзя. Участие Л.В. Даниловой в борьбе с «буржуазными фальсификаторами» ограничилось несколькими статьями⁷, но полузапретный для советских историков опыт знакомства с работа-

⁴ Окончательно с поборниками «нового направления» власти «разобрались» в 1973 г., когда с поста директора Института истории СССР был снят П.В. Волобуев, наиболее осторожный из учеников А.Л. Сидорова (см.: *Поликарпов В.В.* «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // *Советская историография*. М., 1996).

⁵ См.: *Емелёв В.А., Шелохаев В.В.* Константин Николаевич Тарновский (1921–1987) // *Историки России: Послевоенное поколение*. М., 2000; Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. СПб., 2002.

⁶ Первой её публикацией по теме была обзорная статья: *Данилова Л.В.* Дискуссия по важной проблеме // *Вопросы философии*. 1965. № 12.

⁷ *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Рец. на: *Rewriting Russian history. Soviet interpretations of Russia's past*. New York, 1957 // *История СССР*. 1959. № 6; *Данилова Л.В.* Русское средневековье в современной историографии США // *Вопросы истории*. 1961. № 3. С. 63–91; *она же*. Русское централизованное государство в освещении буржуазных историков США // *Критика буржуазных концепций истории России эпохи феодализма*. М., 1962. С. 234–279.

ми «идеологических противников» не прошёл для неё даром: он потребовал углубления в марксистскую теорию. Впрочем, потребность не замыкаться в рамках «Краткого курса истории ВКП(б)», а разобраться с тем, как классики марксизма-ленинизма понимали развитие докапиталистических обществ, была важной и для развития самой исторической науки.

В ту пору это был в высшей степени скользкий путь, не суливший решившимся вступить на него учёным спокойной жизни. Во-первых, изучение трудов Маркса и Энгельса вполне могло привести к нетривиальным результатам, противоречащим официозному марксизму-ленинизму. Историографический подход требовал обратиться к изучению теоретических дискуссий 1920–1930-х гг., а значит, затронуть работы не реабилитированных после XX съезда КПСС «троцкистов» и «бухаринцев» (в кавычках и без). Многие из них высказывали весьма интересные и содержательные мысли, но даже нейтральное их цитирование при изменении политической конъюнктуры могло стать основанием для идеологического погрома и зачисления историографа в «антисоветчики» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Историки Даниловы – каждый в своей области – выбрали наиболее оптимальный в тогдашних условиях путь: чтобы не уходить в «подполье», не писать «в стол», а публиковаться, надо было действовать на грани возможного и для этого повиноваться внутреннему цензору, по возможности избегая столкновений с цензурой внешней. Впрочем, последнее им не слишком удавалось: чтобы расширить границы дозволенного, приходилось эти границы время от времени нарушать.

Во-вторых, серьёзное историографическое исследование неизбежно должно было «задеть» теоретические приоритеты весьма влиятельных в то время учёных. В условиях 1950-х – начала 1960-х гг. в качестве «единственно верного учения» полуофициально выступала концепция феодализма, изложенная в трудах академика Б.Д. Грекова. Сомневаться в ней и тем более показывать её внутренние слабости в те годы не было принято. Между тем грековский подход к проблеме становления и развития феодализма на Руси имел серьёзную альтернативу: ему реально оппонировали большинство историков, сформировавшихся как учёные в дореволюционное время, а также ряд их учеников. Среди них были такие крупные фигуры, как С.В. Бахрушин, С.В. Юшков, Б.А. Романов, В.В. Мавродин. Л.В. Данилова, познакомившаяся с Бахрушиным ещё до поступления в университет, входила в число его научных последователей. Но между ней и многими её сверстниками, к примеру, А.А. Зиминим, также учеником Бахрушина, имелось существенное различие: большая часть тогдашней исторической молодёжи, на практике отходя от концепции Грекова, попросту не придавала серьёзного значения теоретическим вопросам. Молодые историки обычно ограничиваясь «нужными» ритуальными ссылками, нащупывали иной, негрековский, подход, но делали это интуитивно.

Л.В. Данилова, взявшаяся за подготовку докторской диссертации на тему «Теоретические проблемы феодализма в советской историографии», вступила на этот путь вполне сознательно, хотя выражалась поначалу очень аккуратно. Её первая крупная публикация такого рода в задуманном молодыми историками, но процеженном сквозь мелкое идеологическое «сито» сборнике «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС»⁸ в этом отношении весьма

⁸ Данилова Л.В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962. С. 37–90.

показательна: Данилова даёт полноценный историографический анализ основной литературы по истории феодализма в России, вышедшей после 1956 г., не обходя острых углов, но избегая крайностей. Так, она приводит казавшуюся в 1950-х гг. смелой точку зрения Л.В. Черепнина на древнерусских смердов, согласно которой те находились в зависимости от феодального государства в целом, так что исчезновение упоминаний о них в более поздних источниках косвенно говорит о становлении частновладельческой зависимости только в период развитого феодализма. Такую трактовку, относящую возникновение системы государственного феодализма к IX–XI вв., Данилова не разделяла, но не могла о ней умолчать, тем более что она объективно противостояла подходу Грекова⁹.

Характерна и реакция Л.В. Даниловой на серию статей И.И. Смирнова, в 1963 г. собранных в монографию¹⁰. Ученик Грекова, Смирнов пошёл по стопам Б.А. Романова, автора самого «идеологически не выдержанного» исследования послевоенного времени¹¹. Данилова, отметив, что «существование феодализма как общественно-экономической формации немыслимо при отсутствии класса феодально-зависимого крестьянства», ставит все точки над «i», но при этом Смирнова не осуждает: «Если принять точку зрения И.И. Смирнова, отрицающего экономическую и политическую зависимость крестьянских общин от крупной вотчины вплоть до XI–XIII вв., то придётся либо признать второстепенную роль вотчины в экономике и социальной жизни Киевской Руси в IX–XI вв. и вернуться к отвергнутому в нашей литературе положению о существовании в этот период “вассалитета без ленов”, когда масса сельского населения эксплуатируется путём централизованной феодальной ренты в виде государственных податей, либо пересмотреть вопрос о характере того классового строя, который породил Киевское государство»¹². В том же ключе она говорит и о другом «еретическом» для того времени выводе И.И. Смирнова о возрастании роли холопства в XII–XIII вв.¹³, ставя в связи с этим риторические вопросы, но не давая на них отрицательных ответов: «Но чем же являлось холопство в XI в. и в предшествующие два столетия существования объединенного восточнославянского государства? Каков был характер социально-экономических отношений в то время?»¹⁴. Конечно, наличие «но» вносит в эти вопросы оттенок критики, однако самое главное заключалось в том, что проблемы были поставлены и поставлены без какого-либо упрощения. Забегая вперёд, следует сказать, что в будущем советская историография пошла как раз по двум указанным Л.В. Даниловой направлениям: к идущему от Л.В. Черепнина представлению о государственном феодализме в Древней Руси и развивавшемуся впоследствии И.Я. Фрояновым и самой Л.В. Даниловой взгляду на древнерусское общество как на общество дофеодальное.

В середине 1960-х гг. Л.В. Данилова надеялась опубликовать два крупных раздела своей докторской диссертации, но в 1965 г. вышел в свет лишь

⁹ Там же. С. 45; *Черепнин Л.В.* Из истории класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Исторические записки. Т. 56. М., 1956.

¹⁰ *Смирнов И.И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963.

¹¹ *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.

¹² *Данилова Л.В.* К итогам изучения основных проблем... С. 46.

¹³ По Б.Д. Грекову, рабство на Руси уже в древнерусский период якобы обнаружило «явную тенденцию к исчезновению» (*Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 12).

¹⁴ *Данилова Л.В.* К итогам изучения основных проблем... С. 46.

один¹⁵. В обширной статье она проанализировала становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма, т.е. период с 1917 до середины 1930-х гг. Для V тома «Очерков истории исторической науки в СССР» исследовательница подготовила её продолжение, где дала разбор последующей, вплоть до середины 1960-х гг., историографии. К сожалению, эта книга была издана лишь в 1985 г.¹⁶, а потому очень опоздала и осталась почти не прочитанной. Вопрос о причинах фактического запрещения книги по новейшей историографии – отдельная тема для исследования, но «неправильно» написанная третья глава этой книги¹⁷, посвящённая изучению средневековой истории России, несомненно, являлась одной из существенных причин, заставившая цензоров отложить издание работы на неопределённое время¹⁸.

В целом, все работы по историографии можно разделить на три категории – расширенную библиографию, общий обзор и научный анализ. Применительно к фактам новейшей историографии в советской исторической науке почти абсолютно преобладали первые два жанра, которые были удобны тем, что позволяли практически полностью скрыть авторскую позицию. Все острые углы в таких работах обычно попросту обходились. Исследования же Л.В. Даниловой имеют ярко выраженный аналитический характер. Имея по ключевым вопросам свою собственную позицию, Людмила Валериановна в силу вынужденной и практически неизбежной в ту эпоху самоцензуры, на первый взгляд, просто излагала факты и авторские подходы, но сама подача материала не «усыпляла» читателей, как обычные «библиографии», а будила их мысль. На меня, на рубеже 1970–1980-х гг. провинциального студента, пытавшегося понять, что такое настоящий марксизм, знакомство со статьями Л.В. Даниловой 1960-х гг. произвело почти ошеломляющее впечатление. Готовя эту статью, я перечитал их заново и почти не обнаружил того, что следует считать «данью времени». Основная фактура сохраняет свою полную силу и разве что нуждается, с современной точки зрения, в дополнении и уточнении: в некоторые сюжеты углубляться в ту эпоху было нельзя, так как это прямо или косвенно задевало бы действовавших в тот момент историков.

Тем не менее Людмила Валериановна осмелилась ходить по «склизким камешкам» современной ей историографии: совсем уж «умолчать о том, что близко», у неё не получалось. Исследовательница «задевала» тень Сталина, цитаты из трудов которого влияли на формирование научных концепций¹⁹; обстоятельно и с сочувствием излагала концепцию С.Б. Веселовского²⁰, отмечая лишь в

¹⁵ Данилова Л.В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 62–119.

¹⁶ В подавляющем большинстве разделов книги обзоры литературы останавливаются на 1964–1966 гг. Данилова же ссылается и на работы 1970-х гг. Значит, она в отличие от других авторов дополняла и правила первоначальный текст.

¹⁷ Подраздел о позднем периоде феодализма был написан в соавторстве с Ю.Р. Клокманом. Среди авторов этого тома значатся и другие «неблагонадёжные» историки, в том числе В.П. Данилов и К.Н. Тарновский.

¹⁸ Пятый том «Истории» в выводах комиссии Московского горкома значился в числе «упущенный» мятежного парткома. Об этом прямо говорится в первоначальном варианте статьи Л.В. Даниловой 2007 г., сокращённой при редактировании. Ср.: Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. / Публ.: Л.В. Данилова // Вопросы истории. 2007. № 12.

¹⁹ Данилова Л.В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. С. 114–118.

²⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 129–132.

сноске, что она ещё в 1940-х гг. считалась «буржуазной»²¹. Но, пожалуй, самое существенное: подробно изложив взгляд Б.Д. Грекова на становление феодализма в России, Данилова не менее чётко и ясно показала, в чём состояла суть позиции С.В. Юшкова и С.В. Бахрушина, и недвусмысленно дала понять, что именно их подход более точно отражает древнерусские реалии. Более того, она дала фактически критическую рецензию на вышедшую в 1965 г. книгу «Древнерусское государство и его международное значение», ключевые разделы которой были написаны влиятельными в ту пору Л.В. Черепниным и В.Т. Пашуто. Данилова, по сути, показала внутреннюю противоречивость изложенной ими концепции становления Древнерусского государства и особенно подчеркнула, приведя соответствующие цитаты, эклектичность воззрений Черепнина на генезис феодализма в Древней Руси и на неизбежную в подобных случаях подмену фактов допущениями, вытекающими из общетеоретических представлений автора о должном. Выдвинутая Черепниным в 1950-х гг. концепция верховной феодальной собственности на землю призвана была заменить концепцию Грекова: на Руси IX–XI вв. крупного частного землевладения как основы феодального строя, опираясь на существующие источники, обнаружить просто невозможно. Л.В. Данилова, соглашаясь с Черепниным в том, что становление феодализма происходило «через введение системы кормлений, передачу князьями своим вассалам права на сбор полюдя, дани и прочих налогов», настаивала на длительности этого процесса. С её точки зрения, для IX–XI вв. говорить о государственной собственности на общинные земли не приходится²².

Не формулируя прямо, Л.В. Данилова фактически показывала, что представления многих современных ей историков о марксизме были весьма приблизительными: очень часто они сводили Марксово понятие производственных отношений к собственности, фактически рассматривая её либо как юридическую, либо как хозяйственную категорию²³. В конечном счёте это вело к модернизации истории – к «моделированию классов феодального общества по типу общества капиталистического, где главной формой эксплуататорской собственности является собственность на овеществленный труд»²⁴. Этот намёк о недопонимании марксизма касался весьма влиятельных в советской науке фигур и косвенно – марксизма-ленинизма как такового.

В современных условиях, когда марксизм не в чести, многие могут увидеть в этом не слабость, а достоинство оппонентов Л.В. Даниловой. Но для тех, кто понимает значение теории как инструмента познания, стремление исследовательницы к точным формулировкам и её бескомпромиссность в таких поисках не могут не вызывать уважения. Настоящий же марксизм – не суррогатный, преподававшийся в советских вузах, марксизм-ленинизм – является очень мощным инструментом познания, несколько не утратившим своего значения. Беда в том, что знатоков его почти не осталось...

Практически единственный во второй половине XX в. марксистский теоретик русской средневековой истории, Данилова не замыкалась, как боль-

²¹ Там же. С. 131.

²² Там же. С. 155.

²³ Такие упрощённые представления восходили к изданной в 1929 г. популярной ленинской лекции о государстве и к «Краткому курсу», о чём Л.В. Данилова деликатно умалчивала, воспроизводя, впрочем, в качестве примера известную сталинскую формулу о различии между рабом и крепостным.

²⁴ Там же. С. 186.

шинство её коллег, в рамках своей специализации, а была крупным знатоком всеобщей истории – как древней, так и средневековой. Не случайно в 1964 г., когда в Институте истории был создан сектор методологии истории и руководивший им М.Я. Гефтер стал собирать единомышленников, прежде всего философов истории и тех, кого ныне именуют культурологами²⁵, в работе сектора активное участие приняла и Л.В. Данилова. В её ведение, поскольку историей докапиталистических обществ сам Гефтер не занимался²⁶, перешли проблемы, связанные с теорией общественно-экономических формаций, т.е. огромная по охвату область исторического знания. Данилова выступила в роли координатора и фактического организатора готовившейся под эгидой сектора методологии истории серии сборников «Проблемы истории докапиталистических обществ». Она энергично взялась за дело, и уже в 1965 г. первый том был в основном готов. Достаточно быстро был определён состав и второго, ещё более объёмного (более тысячи страниц!) тома, и началась работа над третьим.

Сейчас можно лишь гадать, какие последствия для советской исторической науки имел бы выход в свет всех намеченных сборников. В ту пору историки надеялись, что эти сборники обеспечат качественный прорыв и позволят избавиться от одномерного восприятия официозной теории формаций. Увы, силы оказались неравными: нестандартно мыслявшие историки-марксисты оказались не в состоянии противостоять административному нажиму властей. Первый сборник, в 1968 г. с большим трудом прошедший через цензуру, оказался и последним. По свидетельству индолога Л.Б. Алаева, последовательного оппонента Людмилы Валериановны, она «боролась, как лев», но пробить второй сборник, который «все ожидали в большом волнении»²⁷, не смогла. Здесь сказалось прежде всего общее изменение идеологического курса КПСС, которому упрямые историки не хотели следовать. Отсюда – бесконечные придирки к текстам, поиски «методологических ошибок» и вытекавшая из этого необходимость вновь и вновь редактировать статьи, чтобы, поступившись малым, сохранить главное. Всё это требовало от Даниловой как ответственного редактора недюжинного мастерства и выдержки: убедить авторов пойти на «вивисекцию» (Людмила Валериановна вспоминала в связи с этим неуступчивого М.А. Виткина) было делом нелёгким. Некоторые тексты (в основном из второго, неопубликованного сборника) приходилось серьёзно перерабатывать по чисто литературным соображениям, так что фактически Людмила Валериановна могла бы претендовать на их соавторство.

Для первого сборника Л.В. Данилова написала обзорную статью «Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ», в которой комментировала помещённые в нём статьи, указывала на другие важные публикации теоретического плана, анализировала высказывания Маркса и Энгельса. В её работе важны были именно постановки спорных проблем. Сейчас, особенно не зная контекста дискуссии об азиатском способе производства, это легко и не уловить.

²⁵ См.: *Неретина С.С.* История с методологией, или Конец истории // Аутсайдер. Человек вопроса. Век XX и мир. 1996. № 1. С. 120161 (URL: <http://gefeter.ru/archive/2188>. Дата обращения – 23 марта 2013 г.).

²⁶ Он специализировался на «огнеопасных» тогда темах социальной революции и русского капитализма.

²⁷ Л.Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М., 2000. С. 152.

Нельзя не признать, однако, что статья Л.В. Даниловой в немалой степени играла роль прикрытия: для того чтобы провести через цензуру ту или иную «спорную» работу, её нелишне было бы заранее слегка покритиковать. Например, такой участи подверглась статья Н.Б. Тер-Акопяна, фактически показавшего, что официозная пятичленная теория формаций является марксистско-ленинской лишь по названию: по работам Маркса восстанавливается совершенно иная схема²⁸. Как оказалось, Маркс выделял только три большие формации – первичную (первобытную), вторичную экономическую и гипотетическую коммунистическую. Их внутреннее членение оставалось ему не вполне ясным, и Маркс намечал лишь общие штрихи.

Нетрудно заметить, что такой подход предоставлял исследователям гораздо более широкие возможности для анализа, нежели стандартная пятичленная схема. Но именно поэтому он казался опасным для правоверных марксистов-ленинцев! Из явно «дипломатических» соображений Л.В. Данилова во вступительной статье отмечала, что сделанный Н.Б. Тер-Акопяном упор на производстве самого человека как определяющем признаке первичной формации делает незаметной «грань между первобытным стадом и сформировавшимся человеческим обществом», поскольку «будучи закономерной реакцией на абсолютизирование экономического фактора, столь длительное время присущее нашему обществоведению, изложенная концепция по существу сводит на нет роль этого фактора в развитии доклассового общества»²⁹. Как бы критикуя трактовку Тер-Акопяна, Л.В. Данилова выводила из-под удара оппонентов подход Маркса как таковой³⁰. Это приходилось делать в стране, где марксизм-ленинизм был официальной идеологией!

Надо сказать, что в роли ответственного редактора Л.В. Данилова долгое время выступала неофициально, т.е. эта её работа не оплачивалась. Сектор методологии истории выглядел в глазах начальства неблагонадежным, и М.Я. Гефтер имевшиеся в его распоряжении ограниченные средства пускал на обеспечение главных, с его точки зрения, проектов. Поэтому работа затягивалась: не хватало технических работников, в частности, машинисток, из-за чего подрывались совершенно случайные люди, выполнявшие порученное им недобросовестно. Эмоциональный отчёт Л.В. Даниловой о том, как и почему рукописи «покрываются пылью», сохранился в её домашнем архиве.

Задерживало работу над второй книгой «Проблем истории докапиталистических обществ» желание то ли руководства Института истории, то ли самого Гефтера включить в состав этого сборника статьи зарубежных учёных-марксистов (М. Годелье, Ж. Сюрэ-Канала (Франция), Ф. Тёкеи (Венгрия), Т. Покоры

²⁸ Тер-Акопян Н.Б. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. С. 67–88.

²⁹ Данилова Л.В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. С. 38.

³⁰ Спустя десятилетие Л.В. Данилова эзоповым языком уже не пользовалась, а прямо указывала на особое место работ Н.Б. Тер-Акопяна, показавшего «значение, которое основоположники придавали воспроизводству человека в его социальной сущности и соотношению этого вида материального производства с производством средств к жизни» (Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978. С. 21). Наивно было бы думать, что Людмила Валериановна не понимала этого раньше! Но в горячие 1960-е гг. близкую по тематике статью М.А. Виткина («Проблема перехода от первичной формации ко вторичной») она предпочла «спрятать» в середину тома, между статьями А.Я. Гуревича о западноевропейских варварах и Л.С. Васильева о древнем Китае.

(Чехословакия)), в своё время первыми поставивших вопрос о роли азиатского способа производства. Точка зрения этих учёных к тому времени была хорошо знакома отечественным историкам, а потому ничего принципиально нового от них ожидать не приходилось. По мнению Л.В. Даниловой, было бы полезнее привлечь к участию в сборнике новых отечественных авторов, но, подчиняясь требованию начальства, ей приходилось вести с иностранцами переписку, ожидать прибытия статей, организовывать их перевод, редактировать. Это, отнимая драгоценное время и силы, задерживало выход сборника. Неудивительно, что часть учёных, видя, что издание их статей затягивается, искали иные пути для их публикации. «Ротация» авторского состава и работа с вновь прибывшими авторами вела к новым задержкам.

В конечном счёте второй сборник не был опубликован. Но Людмила Валериановна сумела договориться, чтобы традиционный симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, проводившийся в сентябре 1972 г. в Минске и Гродно, был, помимо прочего, посвящён эволюции общины в докапиталистических обществах. В Белоруссию приехали учёные, занимавшиеся разными вопросами всеобщей истории: Ю.В. и С.А. Маретины, С.Д. Зак, А.Р. Корсунский, Ю.М. Кобищанов. Особо следует отметить Л.Б. Алаева, который придерживался прямо противоположных, нежели Данилова, взглядов на общину. Разделяя ключевые положения осуждённой марксистской историографией «государственной школы», он делал упор на то, что хорошо известная учёным по источникам поздняя поземельная община с её переделами, принудительным севооборотом и т.д. не имела преемственной связи с общиной первобытной³¹. Полемика Алаева и Даниловой, в устной и письменной форме продолжавшаяся более 30 лет, тем не менее не стала поводом для личной вражды³². В Гродно Алаев выступил со своим «еретическим» докладом именно по персональному приглашению Людмилы Валериановны.

В этой связи показателен ещё один факт: среди авторов второго сборника значился и А.А. Зимин. Учёный, в 1964 г. заявивший о позднем происхождении «Слова о полку Игореве» и подвергшийся за это почти всеобщему осуждению, оказался во второй половине 1960-х гг. в научной изоляции. И Данилова, придерживавшаяся традиционной точки зрения на «Слово», в этой обстановке предложила Зимину написать для «Проблем истории докапиталистических обществ» статью о русском холопстве³³.

В 1970–1980-х гг. Л.В. Данилова находилась в Институте истории СССР фактически на положении изгоя. Её многократные попытки опубликовать давно написанную монографию «Теоретические проблемы феодализма в советской историографии» неизменно наталкивались на противодействие руководства, как институтского, так и непосредственного (сектора феодализма). Так, первоначально ответственным редактором её книги был назначен академик (с 1972 г.) Л.В. Черепнин, который категорически не желал поддерживать Данилову, критиковавшую его взгляды на становление феодализма в Древней Руси

³¹ Л.Б. Алаев: община в его жизни. С. 15–201.

³² В комментариях к сборнику своих статей Алаев отзывается о Даниловой с предельным уважением (Там же. С. 154–155).

³³ Статья в свет не вышла, но работа над ней наверняка помогла А.А. Зимину подготовить по этой теме целую монографию: *Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV в.)*. М., 1973.

и, разумеется, написал о её диссертации отрицательный отзыв³⁴. Не помогли ни помощь академика М.А. Коростовцева, взявшего на себя ответственность редактором её работы вместо Черепнина, ни поддержка академика С.Д. Сказкина, ни сугубо положительные отзывы академических Институтов философии и экономики. В домашнем архиве Людмилы Валериановны имеется несколько текстов этого исследования, на обложке которого менялись лишь даты – 1975, 1980. В конце 1980-х гг. её книга появилась в плане издательства «Наука», но в свет так и не вышла.

В этом отношении творческая судьба Людмилы Валерьевны оказалась сходной с судьбой её мужа и соратника В.П. Данилова с той разницей, что тому в конце 1982 г. всё же позволили защитить в качестве докторской диссертации двухтомную монографию о советской доколхозной деревне³⁵. Не имея возможности публиковаться под грифом «родного» Института, Людмила Валериановна наладила сотрудничество с Институтом философии и под его эгидой выпустила ряд работ «истматовского» характера, построенных главным образом на трудах Маркса и Энгельса. Примером тому может служить написанный ею раздел об общественно-экономических формациях в «фундаментальном» издании Института философии «Марксистско-ленинская теория исторического процесса»³⁶, по её словам, при публикации сильно заредактированный. Особым положением Даниловых в Институте истории СССР объясняется и экзотичное на первый взгляд появление их совместной статьи в книге «Община в Африке»³⁷. Без сомнения, это случилось благодаря Ю.М. Кобищанову, видному африканисту, активному участнику дискуссии об азиатском способе производства. То же самое можно сказать ещё об одной совместной статье, появившейся в востоковедческом сборнике³⁸. Но всё это были лишь арьергардные бои. В условиях 1970–1980-х гг. противники традиционной «пятичленки» могли публиковать статьи и даже книги по отдельным вопросам, но были лишены возможности координировать свою исследовательскую работу. Обобщающие монографии по итогам дискуссии о теории формаций позволялось публиковать лишь сторонникам традиционного подхода³⁹.

Итоги своей творческой деятельности Л.В. Данилова подвела в 1994 г. в книге «Сельская община в средневековой Руси»⁴⁰. Это была лишь вторая вышедшая в свет монография 70-летнего историка! К сожалению, книга эта опоздала с выходом примерно на 20 лет. В 1970-х гг. появление подобного исследования могло бы существенно повлиять на историографическую ситуацию в области изучения русского средневековья, но в 1990-х гг., когда всё внимание истори-

³⁴ По мнению Л.В. Даниловой, главным побудительным мотивом Л.В. Черепнина, отбывшего некогда три года по «академическому делу», был страх: тяжело больной в ту пору историк боялся выпуском монографии навлечь на сектор гнев вышестоящих инстанций.

³⁵ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

³⁶ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983. С. 334–378, 402–412.

³⁷ Данилова Л.В., Данилов В.П. Указ. соч. Основная часть статьи написана Людмилой Валериановной.

³⁸ Данилов В.П., Данилова Л.В., Растянников В.Г. Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры Востока. М., 1977.

³⁹ Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975, 1977.

⁴⁰ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

ческой общественности было обращено на советскую историю, а историки в большинстве своём поспешно отрекались от марксизма, даниловская «Сельская община» оказывалась гласом вопиющего в пустыне: прочитали и оценили её, увы, немногие. Бывшие «ревизионисты» Даниловы и не думали отказываться от идеалов социализма, и, разумеется, книга Людмилы Валериановны была написана марксистским языком. Это обстоятельство, а также общий тон изложения, теоретичный и местами слишком специализированный, делают эту книгу весьма трудным чтением для людей неподготовленных: Данилова зачастую не цитирует тексты, а просто излагает факты, ограничиваясь лишь ссылками на источники и тем самым предполагая, что читатель с ними хорошо знаком. Сама Людмила Валериановна осталась своей книгой не слишком довольна, но сил подробно и более популярно всё «расписывать» у неё уже не оставалось.

В рамках этой обзорной статьи нет возможности анализировать историческую концепцию Л.В. Даниловой, но всякий, кто решится всерьёз разбираться в современном историографическом хаосе, не сможет не признать её важной роли в формировании новой общей теории исторического процесса⁴¹.

Как бы то ни было, зримой «отдачей» от своих многолетних трудов над ключевыми вопросами отечественной и всеобщей истории Людмила Валериановна не получила. Однако она в меру сил пыталась работать. Последним крупным проектом (в рамках уже Института российской истории), в котором Л.В. Данилова участвовала как автор и как ответственный редактор (наряду с А.К. Соколовым), был «Традиционный опыт природопользования в России»⁴². 5 января 1999 г. Людмила Валериановна формально ушла на «заслуженный отдых», однако продолжала живо интересоваться происходящими в стране политическими процессами, которые наводили на неё печаль. Историки Даниловы очень рано – ещё в пору «гласности» – распознали, что вдохновлявшие миллионы наших сограждан вроде бы демократические процессы вырождаются именно в то, чем они являются ныне, что под видом демонтажа «тоталитарной системы» будет происходить разрушение страны как таковой.

Людмила Валериановна высказывала в этом отношении более жёсткие оценки, нежели Виктор Петрович. Её горячее осуждение вызывали и непрекращающиеся попытки реабилитации Сталина. Не принимая политику властей, она выражалась остро и порой пристрастно, но никогда не ссыалась ни на какие «заговоры», никогда не осуждала знакомых ей историков, по тем или иным причинам покинувших Родину в советское или постсоветское время. Она не верила в искренность А.И. Солженицына, но в то же время любила ранние стихи Н. Коржавина, особенно его «По ком звонит колокол».

2000-е гг. стали для Людмилы Валериановны временем тяжёлого испытания и вместе с тем временем её величайшей стойкости. 16 апреля 2004 г. скончался В.П. Данилов, и Людмила Валериановна поставила перед собой задачу издать труды мужа. Последний период жизни В.П. Данилова был очень плодотворным: после 1991 г. открылись архивы, и Виктор Петрович, опасавшийся, что столь благодатная для историков пора продлится недолго, взял на себя

⁴¹ См.: *Журавель А.В.* С.В. Юшков – наш современник // Сборник РИО. Т. 6(154). М., 2003. С. 333–336; *он же.* О школе И.Я. Фроянова: размышления о будущем // Сборник РИО. Т. 11(159). М., 2011. С. 345–347, 356.

⁴² Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. В сборнике Л.В. Даниловой принадлежит введение и статья «Крестьянский опыт природопользования в историческом центре средневековой России».

задачу издать как можно больше ранее засекреченных документов по истории советской эпохи. Встав во главе дружного коллектива архивистов и историков, он сделал за полтора десятилетия невероятно много, но не думал об издании собственных работ. Весь огромный труд по подготовке внушительного по размеру двухтомника фактически в одиночку⁴³ осуществила его жена, которой к тому времени было уже за 80⁴⁴. Она не только тщательнейшим образом пересмотрела доступную ей часть архива Виктора Петровича, но и изучила архивные материалы, стремясь в собрании его трудов и в отдельных публикациях о парткомах Института истории как можно полнее представить ход былого противостояния историков-шестидесятников с партийным начальством⁴⁵.

Касаясь во время работы проблем истории пореформенной России и советского периода, Людмила Валериановна сетовала: я, мол, неспециалист... При этом она оказала существенную и не только сугубо информационную помощь авторам вступительной статьи к избранным трудам В.П. Данилова⁴⁶. Побольше бы таких столь разносторонне образованных «неспециалистов»!

Волею обстоятельств Л.В. Данилова оказалась в тени как более известных ныне её современников (например, В.Т. Пашуто, А.А. Зимина, В.Л. Янина), так и своего мужа. В 1960–1970-х гг., углубившись в методологические проблемы исторического знания, она не считала возможным сбросить с себя эту «ношу» и заняться тем, что «попроще». Нежелание «изгибаться вслед за генеральной линией» лишало её возможности свободно заниматься тем, чем хотелось бы, а значит, не позволяло реализовать имевшийся у неё огромный потенциал – никак не меньший, чем у любого из вышеназванных историков⁴⁷. Но, будучи заботливой матерью и любящей женой, Людмила Валериановна всегда оставалась опорой своим близким и стремилась прежде всего помогать своему мужу. Нет никаких сомнений в том, что Виктор Петрович без её поддержки не сумел бы в 1990-х гг. сделать так много. После его смерти Людмила Валериановна видела свой долг в издании неопубликованных или разбросанных по журналам и малодоступным сборникам трудов мужа. Её громадные усилия позволили ей выполнить задуманное, хотя, к сожалению, и не в полной мере. Работа Л.В. Даниловой над изданием трудов своего мужа стала её лебединой песней и лучшим памятником великим русским историкам второй половины XX в.

⁴³ Действенную помощь оказал лишь РГНФ, предоставивший гранты как на подготовку, так и на издание двухтомника.

⁴⁴ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1–2. М., 2011.

⁴⁵ Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. / Публ.: Л.В. Данилова // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44–80; 2008. № 1. С. 61–95; 2008. № 2. С. 44–83; Вылцан М.А., Данилова Л.В. Из истории Института истории АН СССР // На фронте истории Гражданской войны. Памяти В.Д. Поликарпова. М., 2009.

⁴⁶ Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнёв И.Н. Виктор Петрович Данилов – фронтовик, гражданин, учёный, борец за демократию и свободу // Данилов В.П. История крестьянства России... Ч. 1. С. 16–68.

⁴⁷ Любопытно, что в последней публикации Л.В. Даниловой в «Вопросах истории» её называют доктором исторических наук, хотя этой степени она не имела, а в последние десятилетия и не стремилась её получить.